

Людмила
Сердюковская

ИТАЛЬЯНСКАЯ
ВИОЛОНЧЕЛЬ

Людмила Сердюковская

Итальянская виолончель

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25553925
Мультимедийное издательство Стрельбицкого; Киев; 2017*

Аннотация

«Итальянская виолончель» – это полное погружение в мир музыки, волшебный и загадочный. В нем живет удивительная пианистка, которая слышит истории сквозь музыкальные звуки. Играет талантливый виолончелист, вдыхающий новую жизнь в забытые мелодии. Их пути пересекаются всего несколько раз, ярко и драматично. Это встреча классики и современности, разных поколений и судеб. И невидимой нитью, которая связывает героев на протяжении всей книги, остается главное чувство – страстная любовь к музыке.

Людмила Сердюковская

Итальянская виолончель

– Как вам треска? Понравилась?

– Да, счет принесите, пожалуйста.

Треска чуть суше, чем обычно, но какая разница? Валерия Александровна быстро допила кофе, сдержанным кивком ответила на улыбку хозяйки заведения, что-то втолковывающей возле барной стойки молодому официанту, смешному, с пылающими ушами. Она заходила в «Каморку» пару раз в неделю, благо ресторан всего в квартале от офиса. Место, где чувствовала себя уютно, даже укромно посреди шумного города, за любимым столиком с большим старым самоваром. По-приятельски переговаривалась с хозяевами, благодарно отмечая удачные позиции меню или интерьерные решения. Очень милые люди, но сегодня ее вдруг охватило раздражение: вот только не надо преувеличивать их заслуги. Здесь главная цель – прибыль, заработок, а комфорт и располагающая атмосфера всего лишь включены в цены, между прочим, непомерно высокие.

Начала побаливать голова. Валерия Александровна потерла виски, несколько раз глубоко вдохнула и выдохнула. Интуитивно проследила раздражающий источник: навязчивая популярная песенка из динамиков возле барной стойки. Поморщилась, недовольный жест проходящему официанту,

потихше сделайте, а лучше выключите совсем. Пронаблюда-
ла, как бармен, пожав плечами, сменил музыку, убавил гром-
кость. Кажется, немного легче.

Снова официант, тот самый, с пунцовыми ушами:

– Приходите сегодня вечером, у нас будет живая музыка.

Замечательный исполнитель, лауреат...

Дернулась, нетерпеливо оборвала:

– Спасибо, не люблю живую музыку.

Пододвинула книгу, в которую официант вложил счет. Еще ни разу не повторились, каждый раз новая, как будто у них целая библиотека за барной стойкой. Мельком глянула и снова вздрогнула: Дэвид Вейс «Возвышенное и земное». Голова опять потяжелела, а где-то далеко внутри зашевелился застрявший осколок, острый нотный штиль, провернулся лениво, медленно, растягивая тупую боль, которая судорожной волной разлилась по всему телу. Валерия поежилась, передернула плечами: давно он не давал о себе знать, а вот сегодня... Что за день такой, вначале глупая песенка, потом приглашение на какого-то лауреата из подворотни, а напоследок насмешливое напоминание: роман о жизни Моцарта с вложенным счетом, жизненной расплатой. Превозмогая тянущую боль, пролистала книгу, выхватывая отдельные слова, далекие, полузабытые: терция, клавиши, партитура. Она справится, сможет, это не первый раз, сейчас пройдет. Уцепилась глазами за листок со счетом, сверлила взглядом спасительные цифры, они помогут, всегда помогали. Судоро-

ги медленно отпускали, Валерия окончательно прогнала их легким шелестом купюр, которые достала из кошелька. После некоторого раздумья все-таки добавила чаевые, закрыла книгу и вышла быстро, словно убегая, поскорее назад в свою жизнь, где все кажется слаженным и размеренным, как неторопливо составленный баланс.

* * *

Валерия Александровна работала бухгалтером, причем не рядовым, а главным, в крупной компании. Считалась опытной и авторитетной, очень добросовестной, в меру нудной, насколько эту меру может себе позволить бухгалтер, навечно замкнутый в цикличной череде отчетов. С подчиненными обращалась строго, но местами допускала вольности, благодаря чему слыла у молодых сотрудников «нормальной теткой».

Правда, сегодня, во второй половине дня, была явно не в духе.

– Я просила финансовую сводку, а это какая-то галиматья, – недоумевающему финансисту.

– А стучаться, прежде чем в кабинет заходить, тебя не учили? – новенькой девочке-секретарю.

Потом сама на себя злилась: чего срываешься? Грех жаловаться: однозначно в свои без малого пятьдесят обосновалась в этой жизни намного комфортнее и успешней, чем

большинство ровесников. Почти доплатила кредит за квартиру в новостройке, здесь же, недалеко от офиса, пару раз в году – отдых за границей, один раз обязательно в гостях у сына, совместно подгадывая время между ее отчетами и его вечно горящими проектами. Опять же, сын – умница, работает программистом по контракту на Кипре. Денису двадцать семь, пока не женат, но Валерию Александровну это не беспокоило: успеет. Снисходительно знакомилась с меняющимися подружками, только одну категорически отвергла, узнав, что та – стремительно набирающая популярность эстрадная певичка. На вопросительный взгляд сына поджала губы:

– Мне кажется, это не твой вариант.

Как назло, в «Каморке» играла песенка именно этой девицы, занявшей вроде какое-то место на «Евровидении», девочки в офисе что-то об этом стрекотали.

Валерия цепким взглядом пробежала готовые отчеты, для верности, вдруг закралась случайная ошибка, при этом точно зная: там все верно, все уже перепроверено не раз. Но эти строгие табличные линии, ровные ряды цифр были ее спасением, ее верным безотказным анестетиком. Они звучали обезболивающим рефреном: у меня все хорошо, все замечательно, все отлично. А то, что ковырнуло прошлое острым концом, так неосторожно, сегодня в ресторане – это ничего, это мелочи, пройдет и забудется. Каждый раз – все глубже, дальше и почему-то от этого еще больше.

Заглянул охранник:

– Валерия Александровна, простите, вам еще долго работать? Офис пора закрывать.

Она спохватилась, уже почти восемь, да-да, конечно, тем более пятница. Устало сдвинула в стопку документы, выключила компьютер.

На свежем воздухе легче не стало: музыка вечернего города звучала слишком уж вразнобой: басом гудели нескольких фур, сбившиеся друг за другом в пробку, фальшиво сигнализировали недовольные, поверх всего верещала сработавшая сигнализация. Еще в половине квартала до «Каморки» через транспортную какофонию стала пробиваться мелодия. Валерия машинально замерла на пару секунд, вслушиваясь, улавливая. Она даже не сразу восприняла музыку слухом, скорее почувствовала кожей тягучие звуки, ветерком пробежало низкое тремоло. А в голове вдруг стало ясно, совсем безоблачно, и в этой прозрачности звучал низкий густой голос. Играла виолончель. Мелодия доносилась все четче, вспомнила слова официанта, точно, хороший исполнитель, победитель чего-то там. Музыка незнакомая, точно не классика, а в современной музыке она не особенно разбирается. Но ее хотелось слушать, она манила, окутывала, и Валерия сама не заметила, как оказалась возле летней площадки ресторана.

Играли внутри, в теплое время года дверь снимали, и музыка свободно неслась через широкий проем. Она не торопилась заходить, хотя знакомые официанты несколько раз

приглашали, пожалуйста, как раз ваш любимый столик свободен. Присела на улице, чтобы не видеть виолончелиста, не разрушить магию окутывающих звуков. Играл хорошо, Валерия знала точно, такого объемного, наполненного звука ей давно не приходилось слышать. И уже совсем не помнила, когда последний раз ощущала то, что сейчас. Незнакомая мелодия поглощала ее, затягивала в какой-то очень странный, далекий мир. В нем слышался шепот заклинаний, сдавленный и отчаянный. Перед глазами мелькнули древние символы, выбитые на каменных плитах, в сумерках кошачьими глазами зажглись фары автомобилей.

Она продолжала слушать через двери, боялась диссонанса между музыкой и внешностью музыканта. Кто это может быть? Одно из двух – пожилой лысеющий неудачник, вынужденный на закате своей карьеры подыгрывать в кабаках, или совсем юный, питающий надежды, что здесь, за бокалом виски, его кто-нибудь заметит и распахнет двери к вершинам музыкальной славы. И то, и другое отвратительно. Лучше просто слушать.

Но закончилась музыка, мелькнул последний взмах смычки, и Валерия не выдержала. Вошла медленно, уговаривая себя, всего лишь спросить, что за произведение. Узнать, увидеть, быстро разочароваться и так же быстро уйти.

Виолончелист сидел прямо напротив ее столика. Не пожилой, но и не совсем молодой. Тридцать, тридцать пять. Сразу бросилось в глаза точеное лицо, правильные немно-

го заостренные черты, будто с черно-белых фотографий начала прошлого века. При этом совершенно расслабленное, спокойное выражение делало его очень современным.

Она никогда не замечала этого пустого угла, и сейчас ей показалось, что музыкант был там всегда, настолько уверенно он себя чувствовал. Уверенность была в его позе, взгляде, руке, держащей смычок. Белая рубашка, классические брюки, жилетка – все строго, почти идеально. Легкий диссонанс – провод от мобильного к небольшой колонке, откуда только что звучал аккомпанемент. Поймав ее взгляд, вежливо улыбнулся:

– Добрый вечер. Я очень рад, что вы зашли послушать виолончель. Присаживайтесь, надеюсь, будет интересно.

– А что за произведение вы играли только что?

– Bittersweet, Apocaliptica.

– Что, простите?

– Это композиция группы Апокалиптики, финский рок-коллектив, виолончелисты и барабанщик.

Она удивленно вскинула брови:

– Рок на виолончели?

– Да, и вы знаете, вполне органично звучит. Низкий тембр виолончели плюс тяжелый ритм – необычное, но при этом очень сбалансированное сочетание. Так называемый симфонический металл, – улыбнулся, заметив недоверие на ее лице, после небольшой паузы добавил, – но именно это произведение я попытался все-таки немного сгладить, сделать бо-

лее виолончельным.

– А что вы еще исполняете?

– Самую разнообразную музыку. Эстрада, джаз, классика. Если позволите, я продолжу?

Церемонно склонил голову, взмахнул смычком, и ее накрыло пеленой, легкой, почти прозрачной, сплетенной из тончайших звуковых нитей. Внутри этой паутины медленно разливался свет, из нее, из тайного, очень глубоко спрятанного источника. Она явно чувствовала это и боялась верить. Как же так, этого ведь не может быть? Он давно уже казался потухшим, засыпанным наглухо, мертвым. Она сама себе приказала забыть, не пытаться, не бередить.

В перерывах музыкант что-то спрашивал, она машинально отвечала, а сама боялась пошевелиться, чтобы не разрушить хрупкий музыкальный кокон, старалась почти не дышать, как будто ей было отпущено совсем немного кислорода, и его нужно было растянуть на время паузы, от одного произведения до другого.

Очнулась не сразу. Медленно возвращалась к реальности, с сожалением замечая, что музыка закончилась. Перед глазами расплывалось небольшое белое пятно. Сфокусировала взгляд: картонный прямоугольник на столе, даже не заметила, когда появился: «Игорь Василенко, виолончель, музыкальное сопровождение праздников». Подняла голову, музыкант уже прятал инструмент в чехол.

– Буду рад видеть вас по пятницам на моих маленьких

концертах.

– Каждую неделю?

– В ближайшее время, да.

* * *

Как только она вошла, Игорь сразу все понял по рукам. Пианистка. Вообще-то руки у нее были не пианистические, очень маленькие, ее бич, еле октаву брала. Иногда получала комплименты от самых наблюдательных: у вас очень красивые руки, но о связи с пианино никто и не думал. А вот он догадался сразу. Безошибочно отличил оформленные кисти, две отдыхающие птицы, сложившие крылья.

Игорь внутренне сжался: профессиональные музыканты реагировали на него по-разному. Внимательно слушали, хвалили, но потом некоторые начинали умничать, лезть кто с советами, кто с расспросами, как вы дошли до жизни такой. Критиковали: что же вы такой ширпотреб играете, с вашим-то уровнем, и не брезгуете, под чавканье и звон рюмок. А его не раздражало. Да, он замечал, некоторые гости попросту не слушали, другие невпопад пускались в пляс. Но не обижался и не злился. Это же не огромный зал, где зрители прикованы к креслам, как будто насильно, без позволения ни пошевелиться, ни шепнуть хоть слово.

Не сводя взгляда с рук посетительницы, тоскливо подумал: сейчас начнется. Но одна птица встрепенулась к лицу,

тронула щеку, и он рассмотрел ее лицо. Улыбался, отвечал на вопросы, а сам не мог оторвать взгляд. Просто женщина, обыкновенная. Моложавая, довольно приятная, но не в этом дело. В ее лице отражалась музыка. Все, что он только что сыграл, было написано выражением глубокого отчаяния, за-таенной, приглушенной боли. В ее глазах мелькали призраки, нервные губы сжимались от горько-сладкого привкуса. Морщинки в углах дописывали магическое заклинание. Как это может быть, откуда она знает эту историю, если даже название группы Arosalíptica вызвало у нее недоумение? Что-то в мыслях пробежало, знакомое, когда-то очень давно, но никак не вспомнить, где, или просто показалось?

Во время игры он волновался. Сам удивился полузабытому ощущению, казалось, давно уже избавился от этих мешающих побочных эффектов: дрожи в руках, сухости в горле, играл почти всегда легко и расслабленно. Но сегодня даже поразился, волнение было приятным, бередящим, добавляющим выразительности. На одном дыхании сыграл несколько произведений, одно за другим, потом не выдержал:

– Вам понравилось?

– Да, у вас потрясающий звук, – сам почувствовал, как засиял, слишком открыто и простодушно. Тут же собрался, чопорно свернул улыбку, чуть поклонился.

– Спасибо, но это не я. Это все виолончель. Итальянская виолончель.

– Итальянская? – переспросила машинально, глядя куда-то вдаль.

– Да, это особый инструмент, у него очень широкий, объемный звук, со всем спектром частот.

Задумчиво посмотрела сквозь него, проговорила торопливым шепотом, обращаясь будто не к нему, а к самой себе:

– Дело не в виолончели. Даже самый лучший инструмент не в силах заменить индивидуальность исполнителя. Он может лишь дополнить его, раскрыть, добавить оттенки, – немного помолчала, потом добавила, на секунду скользнув по нему глазами, – а ваша виолончель вам с удовольствием помогает.

Игорь снова заволновался, засуетился мыслями: нужно обязательно сейчас сыграть что-нибудь особенное, чтобы подтвердить, оправдать. Но уже запустилась по порядку «The Lady in Red», и он облегченно подхватил.

Сегодня ему хотелось играть еще и еще, но очередные нестройные аплодисменты с других столиков напомнили: выполнить привычный ритуал, пройти по залу, раздать визитки. Возле нее задержался на пару секунд, может, захочет что-то спросить, уточнить, но женщина не реагировала. Она очнулась только спустя несколько минут, словно вернулась откуда-то, снова переспросила, казалось, автоматически, не вдумываясь, но после ответа вдруг улыбнулась, лучисто и широко, будто продолжая слышать только сыгранную им задорную «Sunny».

* * *

Всю следующую неделю Валерия ходила сама не своя. Обычно серьезная, собранная, она стала рассеянной, вдруг замирала, что-то нашептывала, беззвучно, одними губами. Коллеги на работе переговаривались: заметили, Валерия Александровна наша где-то в облаках витает? Некоторые сыпали комплиментами: вы же просто светитесь! Генеральный директор на правах начальства фамильярно подшучивал: неужели влюбились? А она спокойно отвечала сама себе: да, влюбилась, но не в мужчину – в музыканта, в его музыку, в виолончель. Ее пленила колдовская сила, она распахивала заколоченные окна, заржавевшие двери, сметала пыльную паутину. А еще вселяла бередящую надежду во что-то такое, о чем она сама пока боится догадываться, допускать. Что наконец сможет вытащить этот глубоко застрявший осколок, почти не чувствующийся, почти приросший.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.